

О.Н. Яницкий

Российская социология должна быть граждански ориентированной

Вся российская наука, начиная с XIX века, была граждански ориентированной. Это значит – аналитически и критически настроенной и прогностически ориентированной в отношении процессов, происходивших в российском обществе. Речь не только о Н. Михайловском, А. Герцене, П. Сорокине или Вл. Соловьеве, но и об естественниках и политиках – В. Докучаеве, Д. Менделееве, В. Вернадском и современных, В. Гинзбурге, Ж. Алферове или Ю. Рыжове и многих других.

Да, время от времени возникает потребность «глубокой рефлексии», то есть переоценки используемых теорий и методов, о чем еще полвека назад писал Т. Кун (см. его «Структура научных революций»). Но без погружения в эмпирику социологическое знание мертво. «Глубокая рефлексия» – это очередной пересмотр позиции социолога, его целей, инструментария и ресурсов, к чему его понуждает изменяющийся поток жизни, а не «глядение в собственный пуп».

К сожалению, российская социология теряет свой научный авторитет и политический вес в нашем обществе. Главную причину я вижу в том, что она стала обслуживать власть, вместо того, чтобы критически анализировать ее действия и стараться влиять на них. Сегодня социологи – «служилые люди», состоящие на службе интересов власти и крупного бизнеса. В условиях периодических кризисов нашей коррумпированной «рыночной экономики» и «вертикали» власти российская социология все более становится ее отражением: странным гибридом «либерально-вертикальных» воззрений и концепций.

Характерно, что нынешний кризис практически никак не отразился на тематике докладов Всероссийского социологического конгресса и ряда последующих международных и российских собраний социологов. Между тем, как раз этот кризис еще раз обнажил критическую дистанцию между инкапсулированным экспертным социологическим сообществом и остальным населением, дистанцию, угрожающую утерей взаимопонимания между наукой и обществом.

Как мне представляется есть несколько ключевых вопросов, которые нам следовало бы обсудить. Первый – это соотношение экономического и социологического знания. Что социология становится подчиненной наукой? – Ведь, как стало очевидным сегодня, миром правит экономика «финансовых потоков», которые конструируют и разрушают мир, детерминируют развитие науки и технологий, несет смерть одним человеческим поселениям и создает целые «силиконовые долины» и т.д. Далее, «hit and miss» принцип действия финансового капитала хаотизирует общество. Бек, Гидденс и Лэш предсказывали необходимость рефлексивной модернизации, но они ошиблись: она одновременно хаотична, безответственна и подвержена «ручному управлению» как у нас, так и на Западе.

Во-вторых, какова роль российского социолога в решении задачи модернизации? Модернизация, используя выражение В. Ядова, – это наш «философский камень» сегодня. Если следовать Н. Кондратьеву, то мы через 10-12 лет должны вместе с развитым миром должны осуществить двойной социетальный скачок: завершить в основном пятый цикл технологического развития («информационный») и начать шестой (экобиотехнологический). Может ли сегодня российский социолог сказать что-то вразумительное по этому поводу? А ведь такой «формационный» сдвиг изменит все: тип общества, его социально-функциональную структуру и образ жизни самого человека.

В-третьих, глобализация казалось бы, объединяет. Но она одновременно ускорила процесс разделения мира на богатеющее и развивающееся меньшинство и деградирующее большинство (Де Сото). Доктрина «помощи» первого вторым не работает. Разрыв между первым и третьим мирами увеличивается. Каковы место и роль нашего общества в современных геополитических трансформациях? Социология теряет также свой общественный вес потому, что она перестала заниматься территориальными проблемами, состоянием ее природы, тогда как сегодня территория, ландшафт – это важнейший геостратегический ресурс любого общества, ресурс его выживания и безопасности. Ресурсные войны – такая же социальная реальность, как этнополитические и другие конфликты. Или же это опять не наш вопрос?

В-четвертых, социология по-прежнему интересуется только «действием», но не его скрытыми и отдаленными последствиями. Глобализация ее интересует как фактор влияния на социальную жизнь, но не как сигнал к необходимости изменения самой парадигмы общественного развития, включающей обратную связь («эффект бумеранга», по У. Беку). Идея Баумана о «социальных отходах навсегда» как последствиях реализации современной модели модернизации не получила поддержки. Между тем, «третий и четвертый миры» (бомжей, бездомных, алкоголиков, наркоманов, вынужденных переселенцев, неопознанных вооруженных формирований и криминальных элементов) растет внутри нашего общества буквально как на дрожжах.

В-пятых, изучение социальных движений всегда было приоритетной темой социологии, потому что они – мотор общественных перемен. Наши реформы начинались именно с общественных движений. Изучаются везде, но не у нас! Эта тематика практически исключена из учебных курсов и уже точно из программ съездов социологов России. Что является еще одним подтверждением подчинения социологии политике.

Но за этим стоит и другой, еще более глубокий вопрос: что «человек улицы» для социологии: партнер для содержательного диалога или же сырой материал для имитации контакта науки и жизни? Ведь уже давно доказано социологами, рефлексирующими по поводу не только своей узкой специальности, но и социального «эха» их действий, что структура и содержание восприятия и социальных, и природных явлений различна «сверху» и «снизу». Чем больше «человек улицы» ощущает себя объектом манипуляций в чужой игре, тем выше уровень его недоверия к социологии.

Поэтому чтобы восстановить свой авторитет в обществе наша социология должна обратить свои взоры на общественные движения и гражданские инициативы, которые сегодня «не видны» только потому, что их нет на экране телевизора, но информацией о них и об их сетях буквально кипит Интернет. Именно эти инициативы являются непосредственными выразителями интересов различных групп общества. Вопросы изучения и понимания процессов «внизу», проблема целей и форм общественного участия – принципиальные для социологии, потому что именно там, в малых ячейках и группах, сосредоточен инновационный потенциал

нашего общества. В нынешних условиях модернизация только «сверху», только технологическая без социальной, невозможна.

Наша социология, вместо того, чтобы направлять рынок, и прежде всего медиарынок, всецело подчинилась ему. Опросы общественного мнения практически ничего не дают ни уму ни сердцу рядового человека. Поэтому образ социолога у населения – это «человек, раздающий анкеты», а не мыслитель, не аналитик, не прогнозист. Но и противоположная позиция, согласно которой «сугубо философский дискурс, не требующий эмпирической соотнесенности с «социальными фактами», выдается за теоретическую социологию» (А. Чепуренко), не только ошибочна, но еще более отдаляет социолога от человека и его проблем.

Доверие к социологии нужно восстанавливать. Сегодня это непростая задача, потому что установка на быстрый успех и столь же быстрое обогащение, отказ от этики напряженного труда, общее понижение культурного и образовательного уровня населения, гигантский флюс сервис-класса в отличие от быстрого развития на Западе слоя людей, занятых информационным трудом, – все это делает задачу возвращения доверия к нашей науке все более сложной.

Наконец, меня беспокоит увеличивающийся разрыв между социологией и исторической наукой. Интересуясь в последнее время мнениями и оценками российских и зарубежных историков о состоянии и перспективах российского общества и государства, я с удивлением обнаружил, что результаты социологических исследований практически не используются в историческом анализе. Я не имею в виду литературу по истории социологии и учебную литературу – там специфические задачи.

Я взял десять книг ведущих российских и зарубежных историков, исследующих динамику новейшей российской истории и ее связь с историей советского периода и более далекой. В книгах А. Ахиезера, Вл. Булдакова, А. Багатурова, В. Кантора, Б. Миронова, Ю. Пивоварова, В. Федотовой, Р. Пайпса и других данные социологических исследований за 20-летний и более отдаленный период нашей истории практически никак не используются. Ни свои, ни российские. Затем я взял десять книг ведущих политологов России и мира В. Иноземцева, А. Уткина, И. Берлина, З. Бжезинского, Т. Грэма, М. Хардта и А. Негри, Л.

Шевцовой и других – там ссылки попадаются, но они даются в обезличенном виде, например, что ВЦИОМ в таком-то году показал, что «такая-то группа населения сказали то-то» и т.д. То есть в сравнении с западной социологией, где, используя термин В. Ядова, каждая «гранд-теория» имеет персональное лицо или школу, у социологов этого (в представлении историков) как бы и нет.

Если отбросить дипломатические реверансы, то получается, что гигантская машина массовых эмпирических исследований только обслуживает потребности политического рынка, государственного или корпоративного. Иначе говоря, социологи – сами по себе, историки – сами по себе. Тем самым социология рискует оказаться вне круга наук, осмысливающих исторический процесс. Я отнюдь не призываю к смешению всех гуманитарных наук, хотя процесс из взаимопроникновения расширяется на глазах, но отсутствие мостов между социологией и исторической наукой – факт, на мой взгляд, тревожный. Получается что социологи пишут одну российскую историю, а историки – совсем другую.

В заключение отвечу Н. Покровскому: мы просто не поняли друг друга. Я, как и Вы, против изоляционизма, против превращения социологии в свободную игру изощренного ума. Я лишь утверждаю, что настоящее социологическое исследование всегда интересно, увлекательно – не случайно Н. Луман подметил, что «исследование» все более превращается в «расследование», особенно в нашем текучем и мало предсказуемом мире.